

В.Н. Виноградов

**НОВЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ**

Витебск 2020

ВСТУПЛЕНИЕ К «НОВЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ»

Здравствуйте!

В течение последних лет в дополнение к автобиографической справке, написанной в 1995 г., только для госархива Витебской области (ГАВО), мною было подготовлено несколько личных воспоминаний. Они названы так: «О себе. И не только», 2015 г. В архив не сдавались, один экземпляр имеется в областной библиотеке имени В.И. Ленина.

В.Н. Виноградов. Фото 1960-х гг.

В то же время члены семьи попросили меня написать что-нибудь о раннем детстве, возможно, что-то занимательное и пр. Так были дополнены уже отпечатанные страницы новыми, но под тем же наименованием и тем же годом – 2015. Они имеются в библиотеке университета, в областной библиотеке, в Городокском краеведческом музее.

Я считал на этом работу законченной. Однако бывшие коллеги по работе предложили записать что-то из воспоминаний о войне, о встречах с известными лицами, о худграфе и прочее. Так родились «Новые воспоминания» (2020 г.). Сейчас они перед Вами.

*Для справки: В издании 2015 г. (с дополнениями) со-
держатся фрагменты автобиографии, кое-что о родителях,
о малой родине, воспоминания из детства, об участии в
работе общества «Знание», а также о жене Елене Ивановне
(она малолетний узник фашистского концлагеря), «зарисовки»
под названием «Столбы говорят», справка «50-е годы» и др.
«Новые воспоминания» посвящены, в основном, работе в
университете, в том числе, на художественно-графическом
факультете, которому в 2019 году исполнилось 60 лет.*

1. В О Й Н А

«Календарь памятных дат и событий» газеты «СБ Беларусь» от 19 декабря 2018 г. вновь напомнил мне о тех ужасных днях войны и об операции по полному освобождению Меховского района (так назывался тогда наш район) от немецко-фашистских захватчиков.

Война. О начале ее мы узнали уже в первый день. Дядька Аниська (брат отца) пришел к вечеру со станции Росляки. Он сказал: «Война. Передали по селектору» (т.е. по железнодорожной связи).

А потом... Тревожные ожидания... Прошел поезд в сторону Витебска с мобилизованными. Из одного из вагонов (они были грузовыми) нам махал рукой дядька Федор (брат отца). В первые дни войны его уже не стало (погиб? плен?).

Через несколько дней под вечер на западе стала слышаться канонада. Остановилось движение на железной дороге, началась ее бомбежка немецкой авиацией.

От бомбежек мы (наша семья, другие жители) уходили в бывшую деревню в километре от дороги. Там была сохранившаяся баня. В ней мы и прятались. Когда летели немецкие самолеты, мы в разговорах переходили на шепот, чтобы нас не обнаружили летчики.

Отец все время оставался на железной дороге (см. его удостоверение «Участнику прифронтовых дорог» (домашний архив)).

А затем... страшные дни и годы оккупации. Первый пришедший немецкий обоз в деревню Блохи (Замосточье). Он начался с грабежа всего живого, что было у жителей. Через некоторое время – разгром деревень, близлежащих к железной дороге, в том числе Блохи, Горлашки и др. – немцы боялись партизан.

Или... установление так называемого немецкого «порядка» – аресты, расстрелы, угон молодых в Германию. И прочее, прочее.

Были расстреляны или повешены многие учителя. Среди них моя первая учительница Бородовская Анна Леоновна (школа в д. Хотешино), учительница Астрейко Надежда Павловна (д. Кузьмино), моя двоюродная сестра – дочь дядьки Апанаса – Мария, она до войны училась в педагогическом училище, другие учителя (см. книгу «Память» Городокского района).

Прав Л.С. Аникеев, мой земляк и одноклассник, говоря в книге «Судите сами» (М., 2005), что «немцы с особым рвением расстреливали детей. Они видели в детях своих противников». Но фашисты жестоко расправлялись также и с другими слоями населения, особенно с учителями, о чем свидетельствует и приведенный факт.

И так до декабря 1943 года – освобождения нас Красной Армией.

Кстати, о селекторной связи. Из нее в 1945 г. мы узнали о победе. И я, размахивая мешочком с книгами, бежал в школу в деревню Якушёнки, крича во весь голос: «Победа!»

Ни в деревне, ни в школе, ни в колхозе никакой связи не было. И я первый сообщал о Победе!

2. ШКОЛА

Урок 1, довоенный. В казарме 514 км, в нашей деревне было несколько детей, которые ходили в школу. Однажды летом они узнали, что через деревню будет проходить со станции Росляки с пассажирского поезда их школьный учитель. Они собрались у первой хаты деревенской улицы на завалинке и стали ждать.

И вот идет учитель. Они вышли ему навстречу на начало улицы и практически хором сказали: «Здравствуйте, Александр Борисович». Учитель ответил ребятам и пошел по деревенской улице.

А ребята? Они бросились бежать огородами, чтобы появиться в конце улицы, встретить еще раз учителя и сказать ему вновь: «Здравствуйте!» Хороший пример?

Урок 2, тоже довоенный. В школу отдали и меня в д. Хотешино. Туда ходили и две девочки из деревни – Нина и Зоя, обе старше меня.

Однажды я не смог пойти в школу, нужно было по очереди пасти коров. И мы с мамой попросили девочек узнать, какое будет задание на дом мне.

Вечером они пришли и рассказали, что задано.

Но, придя на завтра в школу, я узнал, что девочки в школе не были. У меня спросили, знаю ли я причину? Нет, не знал.

Но я был удивлен, когда возвращался из школы. Заглянув под кусты возле тропинки, я обнаружил место, где «отдыхали» девочки, не явившиеся в школу.

Больше в школу они не ходили. Я ходил один.

Урок 3, послевоенный (который и заставил меня обратиться к теме «школа»). Несколько лет тому назад на автобусной остановке ко мне подошла женщина и сказала: «А я знаю Вас. Я помню, когда вы ходили после войны в школу в деревню Якушёнки. На школьном празднике вы исполняли ещё шуточную песню вместе с одной из девочек. Я из той деревни».

Да, я помню тот Первомайский праздник 1945 года и шуточный номер, который мы исполняли с девочкой Ниной, той девочкой, которая до войны так и не посещала школу*.

А номер нашей самодеятельности был таким. Приезжает в город навестить брата сестра. Она привозит подарки. Вот один из них:

*«Привезла тебе я, Ваня,
Кафтанчик новенький совсем.
Восемь дырок, семь заплаток,*

* Вторая девочка Зоя – моя двоюродная сестра. Они до войны переехали в другую деревню.

Кафтанчик новенький совсем».

Ответ: «Что ты, Машка, одурела,

Буду я кафтан носить.

Если можно в магазине

Костюмчик новенький купишь» и т.д.

А до Дня Победы оставалось 9 дней.

Урок 4. На чем и чем писали. Для Нины «бог послал святую книгу». Между строк ее она и писала. Чернила? Делала из сока свеклы.

Мне повезло больше. Двоюродную сестру отца Виноградову Анну Ивановну «мобилизовали», как мы говорили, на восстановление Витебска. Работала штукатуром. Цемент для раствора на стройку доставляли в бумажных мешках. Приезжая в деревню, она привозила их для меня на «тетради».

Чернила? Разряжал патроны для сигнальных ракет. Там порох был цветным.

3. ЗЕМЛЯНКА НА 515 КИЛОМЕТРЕ И СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ У 10-Й ШКОЛЫ В ВИТЕБСКЕ – «ЖИЛЫЕ ОБЪЕКТЫ»

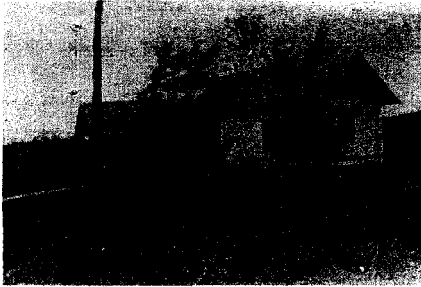
На откосе железнодорожной выемки на 515 километре в 50-ти метрах от дома (будки) в небольшой землянке с довоенных лет располагалась наша баня. Небольшое помещение – в длину всего в одну шпалу – 2,7 метра.

В связи с тем, что после освобождения Красной Армией нам негде было приютиться, отец решил из этой «баньки» сделать жилое помещение. В январе 1944 г. мы в него уже вселились. Площади получилось немного – метров 6 квадратных на четырех членов семьи, но крыша была.

Через год мы раздобыли в заброшенных остатках одной из бывших деревень небольшой амбар – «клеть» говорили. Перевезли на старый двор, стоящей до войны будки и сделали постройку для жилья. Мало помещение, но все же не землянка.

В 1955–56 годах путевая часть (ПЧ) построила из шлакоблоков на старом фундаменте довоенной будки новое здание. Но к этому времени я уже окончил училище, учился в педагогическом институте.

А где-то в Витебске, рядом со школой № 10, находилась землянка (теперь это ул. Путна) и развалины бывшей Спасской церкви. В них ютилась семья, в которой росла и девочка Лена.

Здание послевоенной будки на 515-м км железнодорожного перегона Росляки-Бычиха, 1945 г.

Обновленное здание на 515-м км железнодорожного перегона Росляки-Бычиха, 1956 г.

О быте, условиях жизни, учебе в 10 средней школе Лена часто вспоминала. Она с младшим братом ранее находилась в детском доме. Потом мать нашла детей после войны, разлучившей их, забрала к себе, где они вместе в этих развалинах и жили несколько лет.

И надо же такому быть! После поступления в 1949 году в художественно-графическое училище, я проходил педагогическую практику в школе № 10. Ходил возле этих церковных развалин. И не мог предположить, что здесь живет моя будущая спутница жизни по имени Елена.

В начале 50-х годов жильцов переселили в квартиру (правда, без удобств) в доме № 3 по улице Маяковского (ранее улица называлась Биржевая).

В первые годы после женитьбы (1955 г.) и мы с Леной жили в общей квартире в этом доме вместе с другими членами их семьи – 10 человек (общегитие?). В том числе и тогда, когда я уже работал преподавателем института, растил сына.

В 1959 году мы получили от института комнату 12 кв.м в одноэтажном деревянном доме по ул. Грибоедова. Несколько лет назад его снесли. В доме проживали преподаватели художественно-графического училища (потом – факультета) В.Г. Шаталов, Д.П. Генеральницкий, С.Х. Долматов. Вот такая образовалась у нас художественная семья. Сейчас с позиций Витебской художественной школы – это «замечательная достопримечательность».

Удобства? Никаких: 4 керогаза для приготовления пищи на общем коридоре. И все? Все.

Зато в 1961 г. мы получили для семьи по очереди исполкома настоящую квартиру, двухкомнатную по проспекту Черняховского, 10. В этом доме жил и преподаватель Г.Ф. Кликушин, тоже член «художественной школы»

4. О ПЕРВОЙ ЭКСКУРСИИ БУДУЩИХ «МАСТАКОЎ» ВИТЕБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ В МОСКВУ

Работа Витебского художественно-графического педагогического училища в какой-то степени освещена в издании авторов В.Н. Виноградова и Е.Т. Жуковой (УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2005 г.). Здесь – только об экскурсии.

Первая поездка в Москву для учащихся, окончивших второй курс, была организована в 1951 г. Руководителями группы были назначены завуч училища Т.П. Стрельский и преподаватель спецдисциплин В.К. Дзежиц.

При подготовке экскурсии возник целый ряд сложностей: как доехать до Москвы (прямого поезда не было), где остановиться, в каких бытовых условиях жить и др.

Из Витебска выехали пригородным поездом до станции Рудня. После его прибытия туда (около 10 часов утра) ждали до 5 вечера поезда Рудня – Смоленск.

Днем в Рудне удалось купить билет на проходящий пассажирский поезд Двинск–Орел для Т.П. Стрельского, чтобы ему доехать до Смоленска. Он должен был решить там проблему покупки билетов для всей группы на поезд Смоленск – Москва, на котором потом вечером мы и выехали в Москву.

Помню не проходящую радость всех по прибытию утром в Москву – столицу Советского Союза.

Для размещения нам предложили учебные классы одного из московских педучилищ на Метростроевской улице, недалеко от станции метро «Парк культуры».

Классные аудитории не содержали ничего из мебели, которую можно было использовать, например, для сна. Спали на «голом» полу, с собой никаких постельных принадлежностей не было. Но это нас не смущало.

В первый день мы совершили обзорную экскурсию по городу: Красная Площадь, Ленинские горы, где уже красовалось здание Московского университета, станции метро, парк Горького (вечером) и другое.

Один день был посвящен путешествию по каналу им. Москвы на теплоходе. Чтобы выделиться среди других отдыхающих старались говорить на белорусском языке.

Посетили также Московский планетарий, стереокино, ЦУМ (ГУМ еще не работал). В.К. Дзежиц при подходе к этому универсальному магазину говорил, что в нем можно купить все – от «золотого украшения до колесной мази».

Но основное внимание – Третьяковская галерея, Останкинский дворец – музей творчества крепостных, архитектурные объекты.

Побывали в Московском художественно-графическом педучилище (оно находилось на улице Палиха).

В музей имени Пушкина попасть не удалось. Но и так впечатлений было очень много.

А вот как мы приобщались в Москве к «цивилизации». Два эпизода. Во время путешествия по каналу имени Москвы было дано 2 часа на отдых и купание. Сошли на берег...

А купание? Даже если кто из ребят и мог «окупаться», то ни плавок, ни трусов ни у кого не было – ни у сельских, ни у городских, или у тех трех юношей из Лепельского педучилища, которые были включены в нашу группу. У всех, извините, нижние подштанники. Зато спать на полу ночью в них было мягче и теплее.

А вечером пошли в парк Горького. Ходили, «глазели» и решили дело приезда в Москву как-то замочить». Купили бутылку «Нарзана», с трудом открыли, по глотку начали пробовать – не понравилось. Отвернулись от буфета и вылили все в урну. А ведь, наверное, в Витебске каждый из нас пил «газировку» с сиропом или без него. И почему же нам так не понравился «Нарзан» тогда?

Из Москвы в Витебск вернулись через Оршу.

При организации экскурсии в 1952 году в г. Ленинград отдельных недостатков московской поездки удалось избежать, не считая того, что на 40 общих билетов в Ленинград приехал 41 человек. Повезло!

5. ДИПЛОМ БЕЗ ПОДПИСИ – НЕ ДИПЛОМ?

После окончания Полоцкого пединститута я был оставлен в нем на работу. Имелось в виду, очевидно, что я буду вести графические дисциплины (черчение и др.), так как в институте не было преподавателя этих предметов, имеющего высшее образование.

Но (не по моей воле) руководство Витебского педагогического института с согласия Министерства заставило меня прибыть на работу в Витебск.

В июле 1957 г. я съездил в Полоцк и получил в отделе кадров свой диплом об окончании института.

А в 1959 г. на должность директора Витебского пединститута был назначен П.Е. Терентьев, работавший до этого директором Полоцкого пединститута.

Мне было крайне неудобно с ним встречаться. Я считал себя виноватым в том, что не остался тогда в Полоцке.

Однако уже первая с ним встреча перечеркнула все мои сомнения. Павел Епифанович не сделал мне никакого упрека. Более того, он принял меня как хорошего знакомого.

Он рассказал о себе, о своем здоровье, о жене (она тоже стала работать у нас), о своем сыне. Затем разговорились о делах нашего института. Встреча оказалась теплой, какой-то семейной.

Но... позвольте... при чем здесь диплом?

В связи с производственной необходимостью через некоторое время мне понадобилась копия диплома об окончании ВУЗа. И я пошел к нотариусу. А мне, как говорится, «от ворот поворот». «Ваш диплом не действительный. В нем отсутствует подпись директора». Вот тебе и раз! Когда я получал диплом и «бежал» из Полоцка, я не обратил внимание на эту оплошность секретаря.

Как быть? Могла быть проблема. Но... ведь директор П.Е. Терентьев теперь работает у нас... И я пошел в приемную к заведующей канцелярией Е.Ф. Граблевской (она продолжала еще работать, когда ректором был уже я). Она взяла тушь, ручку и пошла к П.Е. Терентьеву. Через пару минут подпись была готова. Вот и все.

Проблема? А если бы он работал в другом городе или ушел на пенсию? В общем мне здесь повезло!

1. О дипломе. Полочане не только без подписи ректора выдали мне диплом, но и неверно указали в выписке из зачетной ведомости мое отчество – Николаевич. Перечень дисциплин и их оценки указаны правильно. Они такие: 16 из 18 курсовых экзаменов и 4 из 4-х государственных – «отлично». И только 2 оценки «хорошо». Они были получены в Витебске на первом курсе.

2. О ректоре института. В 1960 г. в институтах вместо должности «директор» была введена должность «ректор». П.Е. Терентьев – первый ректор Витебского педагогического института. Он руководитель нашего вуза, при котором в то время создавался художественно-графический факультет.

3. Материалы по созданию факультета, о его работе опубликованы в журнале «Искусство и культура» – № 4 за 2013 г. и № 2 за 2018 г.

Поэтому в следующем рассказе внимание обращено лишь на проблемы воспитательной работы на молодом факультете, их сложностях, путях разрешения, формировании студенческого коллектива и пр.

6. А ХУДГРАФ НАЧИНАЛСЯ ТАК...

Вот выборочно некоторые его биографические страницы.

1) В ранее написанных воспоминаниях я отмечал, что художественно-графический факультет стал для меня «прочным фундаментом» моего роста как преподавателя, ученого, вузовского административно-работника. И это так!

Я и сейчас ценю то поручение, которое дало мне возможность участвовать в создании нового для института факультета. И первым человеком, с которым я вместе (как и с другими лицами) выполнял эту работу, был мой преподаватель по художественно-графическому училищу Валентин Константинович Дзежиц.

Вспоминаю 1949 г. На первом занятии в училище В.К. Дзежиц сказал, что он будет у нас вести рисунок, живопись и композицию. В своей тетради я записал: «Рисунок, живопись и музыку». Композиция? Что это такое, я не понимал. Композиция – композитор? Вот таким чудачком я был.

А в 1959 г. нам вместе с В.К. Дзежицем пришлось заниматься созданием факультета, ставшего через несколько лет хорошо известным факультетом пединститута в северо-западной части СССР. Поэтому в 1964 г. нас с Валентином Константиновичем Минпрос РСФСР пригласил на Всероссийское совещание по работе художественно-графических факультетов, проходившем в г. Краснодаре. Нам (оба мы зав. кафедрами – Валентин Константинович – рисунка и живописи, я начертательной геометрии и черчения) было предоставлено право выступать с докладами об опыте (уже об опыте!) работы нашего факультета.

Участники совещания по ХГФ в Краснодаре, 1964

А тогда, в 1959 г., сложностей в начале работы факультета хватало. И не только организационно-методических.

2) Сошлюсь на такой пример. Отправленные на сельскохозяйственные работы в Городокский район в один из колхозов студенты, отказались выходить на поле во вторую половину дня, где должны были работать. Председатель звонил в институт выяснить, так ли это. От-

правили меня. И я прибыл в д. Вархи, но студентов на поле не нашел. Погода хорошая, колхозники возмущены. Где студенты?

Участники совещания по ХГФ в Ленинграде, 1967.

Иду в деревню. И нахожу студентов... на пленере. Студенты решили в первую половину дня работать, во вторую – писать этюды.

Звоню в институт директору П.Е. Терентьеву и говорю, что председатель колхоза прав. Павел Елифанович рекомендует провести по этому поводу в группе комсомольское собрание.

Не помню, проводили ли мы собрание или нет, но я решил остаться со студентами в колхозе. С ними надо было общаться.

Не сразу я установил с ними контакт. Пришлось с некоторыми из них поспорить, отнимать этюды. Это теперь мне «видно», где и я был неправ – «поступал не педагогично». Но где мне было брать тогда опыт, когда и стаж-то мой вузовский был всего 2 года.

В.Н. Виноградов на занятиях с учащимися школ, 1962

И все же потом мы исправили положение. Работу в колхозе закончили студенческим концертом. Слушателям очень понравилась песня, исполненная девочками: «О, Сплит – жемчужина моря». На меня студенты не обиделись.

И теперь одна из тогдашних студенток группы на встрече в университете в 2012 г., подарила мне свои работы с подписью «Моему любимому учителю».

Один из студентов, уехавший потом работать в г.Магадан, писал мне оттуда письма. Сейчас, в мои 85 лет, такие моменты мне очень дороги.

3) Или еще такой пример. После убийства в США президента Д. Кеннеди (1963 г.) группа студентов пришла на занятия с траурными нарукавными повязками. Необычно для советской молодежи: Д.Кеннеди – президент капиталистического государства.

Как тут беседовать со студентами? Что делать?

И здесь на себя взял эту работу со студентами прибывший к нам в 1963 году в качестве ректора, Андрей Романович Горбачев.

4) В начале 1960-х годов в средствах массовой информации развернулась критика так называемого абстрактного искусства. Особенно усилилась она после посещения Н.С. Хрущевым выставки художников в Манеже.

Кстати, я был потом на этой выставке. Как члену Союза журналистов СССР мне было предоставлено такое право в обход очереди в зал, огибавшей здание манежа.

В тот период председатель Витебского облисполкома В.Б. Трунов был как депутат Верховного Совета СССР в США. По приезду он выступал у нас в институте. Я спросил его, интересовался ли он проблемой существования абстрактного искусства там? Он ответил: «Да, но мой собеседник сказал», – говорит Владимир Борисович – что абстрактное искусство в США пришло из Витебска. И американец назвал некоторые знакомые ему объекты нашего города, в том числе красное здание довоенного железнодорожного вокзала. «Значит он был когда-то в Витебске», – заключил В.Б. Трунов.

Естественно, что критика, споры об абстрактном искусстве не могли пройти мимо студенческой аудитории. Отдельные студенты выступали, как они говорили, за правоту подобного искусства в противовес искусству социалистического реализма.

От преподавателей кафедры рисунка и живописи требовали «успокоить» таких студентов. Причем делалось это тогда не совсем оправдано.

Кстати, некоторые студенты, придерживаясь названной системы, стали потом после окончания факультета известными художниками, как например А. Досужев и др.

А тогда? Для улучшения воспитательной работы со студентами заменили куратора группы.

5) Или еще такой случай. Стало известно, что один из преподавателей факультета во время нахождения на селе с целью изучения народного искусства приобрел несколько икон, имеющих художественное значение. Партийный комитет заставили рассмотреть этот вопрос на своем заседании с повесткой дня «о факте коллекционирования икон», хотя преподаватель был беспартийным.

И это явление не прошло незамеченным в студенческой среде, где порой возникали споры и по этому поводу.

Таких примеров можно привести много.

6) Фото из альбома. Сохранилось фото студенческой свадьбы – женился студент В. Апанасевич. Фото ценно тем, что на нем «герои» моих воспоминаний.

На свадьбе у студента В. Апанасевича, 1962

Свадьбу разрешили сделать в общежитии института по проспекту Фрунзе, 31. Теперь этого общежития уже нет. В 1950-е годы в нем жил и студент физмата В. Виноградов.

На фото – тогдашние руководители факультета: А.Т. Вавченко, С.И. Губаревич, секретарь комитета комсомола института В.М. Макаревский, некоторые преподаватели и др.

Фото говорит о хороших, порой дружественных отношениях, между преподавателями и студентами факультета. Такие мероприятия были теми «кирпичиками» нашей работы, на которых строилось обу-

чение, воспитание и формирование профессиональных качеств будущих учителей изобразительного искусства, черчения, трудовой подготовки. И не только учителей, но и ученых, художников, вузовских преподавателей и др.

7) О преподавателях ХГФ. На экспресс-вопрос: кем были для меня первые преподаватели факультета? Я ответил так.

В.К. Дзежиц. Мой учитель в художественно-графическом училище. Во время работы на факультете – мой заведующий кафедрой, коллега – как преподаватель, потом как заведующий кафедрой.

Г.Ф. Кликушин. Мой учитель в училище. На факультете – коллега по преподавательской работе, соавтор пособия «Основы графической грамоты», коллега как заведующий кафедрой, сосед по жилому дому.

В.Г. Шаталов, Д.П. Генеральницкий, С.Х. Долматов – коллеги, как преподаватели, соседи по так называемому «жилому дому». В.Г. Шаталов – коллега по профсоюзной работе в училище: я председатель профкома учащихся, он председатель месткома преподавателей. С 1968 г. как декан факультета.

И.Г. Корнеев – как декан с 1963 г. одновременно двух факультетов (начальных классов и художественно-графического).

И.А. Гудинович – учитель по училищу, коллега по преподавательской работе в институте. После его перехода в технологический институт – коллега как заведующий кафедрой и как проректор.

8) Еще вопрос: картины каких преподавателей у Вас есть дома? Ответ: Ф.Ф. Гумена, Л.С. Антимонова, А.Ф. Ковалева, И.Н. Шкуратова.

Пейзаж И.М. Столярова передал на память сыну в Минск – он с сыном И.М. занимались в одном классе в школе № 31 г. Витебска.

9) И такой «безтактный» вопрос, как сказал мой визави: «Есть ли портреты мои, выполненные нашими преподавателями?». Да, два. Один – В.И. Булавко (2001 г.), выполнен «в карандаше». Другой – масло, эскиз, выполнен А.Ф. Ковалевым в 1988 г. в Сочи, где мы отдыхали в санатории «Беларусь».

Был скульптурный «портрет», выполненный Д.П. Генеральницким где-то в 1960-х годах. Но он утрачен в 1970-х.

7. ЗА ЧАЕМ У ПЕТРА МИРОНОВИЧА МАШЕРОВА

Впервые с Петром Мироновичем Машеровым я познакомился в 1978 году при утверждении меня на Бюро ЦК КПБ в должности ректора института после рекомендации коллегией Министерства высшего и среднего специального образования СССР (Москва). Петр Миронович интересовался, по каким специальностям готовит институт учителей, каков преподавательский состав, есть ли перспективы развития института.

Вторая встреча состоялась осенью этого же года. Институт готовился к своему 60-летию, и мы решили пригласить на юбилей Петра Мироновича. Договорились о встрече и дате.

На встречу вместе со мной выехали секретарь парткома института А.П. Бонадысенко и председатель профкома преподавателей Л.А. Волкович – ученик Петра Мироновича по Госсонской средней школе и соратник по партизанской борьбе.

Выехали мы утром, чтобы к 9:00 быть в ЦК. Но по дороге на Минск оказалась вот такая неувязка. Движение по шоссе (мы ехали через Лепель) перед поворотом на Хатынь оказалось перекрытым в нескольких местах. Причина? Ожидали в Хатынь какую-то делегацию американских деловых людей на экскурсию. Пришлось несколько раз выходить из машины, показывать еще совсем новое удостоверение ректора, говорить, что едем к П.М. Машерову.

Итак, от одного поста к другому по всей дороге. Наконец, разрешили ехать, но просили, при появлении встречных машин ГАИ взять право и остановиться. Эту колонну машин мы встретили уже на подъезде к Минску.

На встречу к положенному времени мы опоздали. Помощник Петра Мироновича В.Крюков сказал, что эта была делегация конгрессменов США, в том числе и сенатор по фамилии Рыбиков. Вчера Петр Миронович давал ему свой вертолет, чтобы вылететь в район Новогрудка, где какие-то родственные корни у этого сенатора.

В. Крюков сказал, что Петр Миронович включился в другие дела и просил подождать. И в это время открывается дверь кабинета. Петр Миронович услышал нас и вышел. Говорит, что сейчас у него будет Министр заготовок Золотухин, прилетел из Москвы просить помощь солдат в уборке урожая. Но вы ведь не завтракали. «Пойдите в столовую, покушайте, а потом приходите».

В отношении столовой Петр Миронович был прав: наша встреча потом длилась значительно больше часа.

У Льва Алексеевича он расспрашивал о судьбе учащихся их класса, о встречах с бывшими партизанами. Говорил, что хотел в Витебске встретиться с одним из бывших студентов, с которым вместе учился в

институте. Но тот избегал встречи. Лишь один раз удалось его увидеть, и то помогла, как он сказал, «моя охрана».

Секретарь приемной подала нам чай, а Петр Миронович продолжал задавать вопросы.

К концу беседы он взял ручку и бумагу и спросил: «А что вы просите?» Я говорю: «Петр Миронович, не пишите, мы наши просьбы сформулировали в письме ЦК», — и подал ему наше письмо.

Познакомившись с ним, он сказал, что поможет нам в выделении 3-х финских домов для спортивно-оздоровительного лагеря, строительство 60-квартирного жилого дома для преподавателей (теперь это дом № 14 по улице Шрадера), в ремонте учебного корпуса по улице Чехова (вспомнил, что в нем учился он на рабфаке). А ведь и в осуществлении ремонта зданий вузов тогда были свои проблемы. «На юбилей института меня не ждите. Мне, как кандидату в члены Политбюро, надо согласовывать каждый шаг — не разрешат». И объяснил, почему.

Ну а юбилей института? Планировали на ноябрь, но нам дату почему-то перенесли. Раза два переделывали справку о работе института. Как потом стало известно, институт представляли к награде. Но... По этому поводу Петр Миронович был у самого председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева. На что тот сказал: «Я уважаю Вас и Ваш институт. Но есть решение Политбюро ЦК КПСС, что 60 лет не наградная дата для учреждений». Примерное содержание ответа Петр Миронович передал одному из своих сотрудников отдела науки и учебных заведений, который потом звонил нам.

Итак, орден мы не получили, но юбилей состоялся. С самым активным участием Министра просвещения БССР Михаила Гавриловича Минкевича и других гостей.

Последняя встреча с Петром Мироновичем состоялась, к сожалению, в почетном карауле у его гроба. В похоронах мы участвовали вместе с Л.А. Волковичем.

8. ХУДГРАФУ... СТРОЯТ ШКОЛУ

Худграфу... школу? Непонятно. Какая школа? А вот.

При переезде в 1974 году в новое здание по Московскому проспекту (ранее — Смоленское шоссе) в него были переведены 2 кафедры художественно-графического факультета. Третья — декоративно-прикладного искусства (ДПИ) — была размещена в здании на улице Чехова, которая была не приспособленной для работы учебных мастерских. Нужно было искать варианты объединения кафедр факультета. Как?

На новое строительство вузам Беларуси средств не выделялось. И в один из приездов в Витебск Министр просвещения М.Г. Минке-

вич предложил построить пединституту школу для методической, научной работы, организации педпрактик и пр.

В ту пору город активно вел школьное строительство, сдавалось в эксплуатацию по одной школе в год. И вот Министр предложил выделить на тот или иной год городу средства на строительство двух школ. Из них одну – для педагогического института. Но, ни Госплан, ни Госстрой, ни другие организации не должны об этом знать, строятся две школы – и все тут.

Началось проектирование объекта, привязка к местности и пр. Где строить? Конечно, рядом с институтом, с выходом на стадион.

Институт выделил необходимое количество принадлежащей ему земли, дал гарантийное обязательство предоставить школе стадион для спортивных занятий учащихся и др.

Но не хватило площади для пришкольно-опытного участка. Решено было его спланировать за Гапеевым ручьем, сделав через него переходной мостик. Секретарь горкома партии В.В. Михельсон одобрил. Более того, он сказал: «Мы облагородим ручей и разведем там белых лебедей». Проект был принят (может, план и чертежи этой части проекта где-то в архивах еще и сохранились).

А столовая? Согласие института на питание учащихся в студенческой столовой не было принято – наша столовая не полностью соответствовала ее техническим условиям (ТУ) – не было грузового лифта.

Где его взять? Ни в Беларуси, ни в других близлежащих городах их не производили. Их изготавливал только завод в г. Спитак в Армении.

И проектирование школы застряло на неопределенный срок. Так проект с белыми лебедями и остался нереализованным. Да? Да, так, если бы не проявил инициативу заместитель председателя горисполкома, начальник УКСа (Управление капитального строительства) Василий Кириллович Антонов, руководивший градостроительной отраслью в Витебске.

Он предложил, казалось бы, невысказанное решение – ехать в Спитак. Он дает грузовую машину УКСа с водителем, институт – сопровождающего работника и они едут в Спитак.

Едут? Да, но сколько это километров? А через Кавказ. Почему-то после Ростова нужно было ехать по Черноморскому побережью через Туапсе, Сочи, Сухуми, через всю Грузию, значительную часть Армении. И это на грузовой машине. Как она выдержит? Сколько дней займет дорога, где отдыхать в пути? И т.д., и т.д.

Но, как говорят, «слава Богу» – все поездку выдержали. Все. Это проректор по АХЧ института Федор Алексеевич Гриневский, получивший лифт, водитель УКСа Сергей, автомашинна.

Через несколько месяцев проработка проекта на строительство школы была продолжена.

Но одним «лифтом» проблема с проектом школы не закончилась. Лишь некоторые руководители хозяйственных органов могли видеть, что разрабатываемый проект имеет какие-то особенности. Это совсем не школа, а как пел когда-то артист Кола Бельды про оленей, так и у нас: «Школа очень хорошо, а худграф-то лучше». Худграф... Отсюда требования к размещению в проектируемом здании мастерских по обработке дерева и металла для организации учебного процесса студентов. Нужно иметь соответствующие площади для демонстрации выставок, размещения экспонатов народного художественного творчества, музея дипломных работ и прочее.

Проекта такого здания ни в Госстрое, ни в Гипровузе, ни в Минпросе СССР не было. За помощью пришлось обращаться даже к зампреду Совета Министров БССР Н.Л. Снежковой лично.

И вот (после разработки, доработки, согласований и пр.) проект есть! Но... сколько времени на это ушло? Годы. Наконец, документация передана строителям, нужно включать в план. Опять задержка и т.д., и т.д.

Строительство пришлось начинать в декабре, а школу нужно было сдать до 1 сентября следующего (!) года.

Начальник строительного управления в январе месяце перенес свой рабочий кабинет в институт. И тут, например, директор института «Витебскгражданпроект» только узнал, как он сказал, что «это будет не школа, а худграф». Он так и назвал объект для себя. Но тайну продолжал сохранять.

И в конце августа 1985г. комиссия приняла школу (школу!). Все требования к ней были соблюдены. А 1-го октября школа передана институту. В здании решено было разместить художественно-графический факультет, как и планировалось.

Здание – уникальное, других подобных ему в Беларуси нет.

Кстати. О неувязках с размещением художественно-графического факультета я говорил с П.М. Машеровым, когда мы были у него. Я сказал, что в здании по ул. Чехова было возгорание в связи с непригодностью его для мастерских. Зная хорошо это здание с довоенных лет, он сказал: «Значит, пора делать ремонт».

Может, с Министром просвещения он и разговаривал когда-нибудь об этом перед тем как последний решил «подарить» худграфу школу.

9. А ТВЕРСКОЙ... ИЗ ВИТЕБСКА?

Будучи в свое время в качестве гостя в Смоленске и, знакомясь с их педагогическим институтом, мне показали комнату, где были выставлены литературные произведения смоленских писателей. Это – поэт, автор многочисленных текстов песен М. Исаковский, автор поэмы «Василий Теркин» А. Твардовский, поэт Н. Рыленков.

По дороге домой я стал размышлять, что Витебщина тоже богата своими литераторами – и весьма известными. На память приходили многие имена. Если их всех показать, одной комнаты, как в Смоленске, мало. Надо создавать музей. Он будет необходим для нашего филологического факультета.

Этой идеей я поделился с секретарем по идеологии Витебского обкома партии И.А. Наумчиком, поэтом Д. Симановичем. Оказалось, что во время празднования 1000-летия города Витебска, присутствующие на нем писатели, дарили будущему литературному музею Витебщины свои произведения. Значит, надо данное дело продолжить. В эту работу включились декан и преподаватели, многие студенты факультета. И сейчас музей – это действующее структурное научно-методическое подразделение университета.

Ну а Тверской? Кто он?

И я вспоминаю 1961 г., Москва. В один из буйнейших книжных магазинов (тогда ул. Кирова) меня привело красочное объявление о встрече с известным советским писателем, автором книги «Песня над Босфором» Александром Тверским.

Я начал вспоминать, что после публикации статьи в газете «Віцебскі рабочы» «Стварыць у Віцебску мастацкі музей» 18 октября 1959 г. через некоторое время звонил какой-то земляк из Москвы, получающий там нашу областную газету. Он поддержал мою публикацию, говорил, что зав. отделом редакции «Комсомольской правды» тов. Елкин будет звонить в Министерство культуры (Минск), чтобы не прошла бесследно данная статья. Фамилия его вроде Тверской (?). Но так ли это? Ведь телефон...

И вот я иду на встречу с А. Тверским, автором книги «Песня над босфором» – рассказы о турецком поэте Назыме Хикмете. Внимательно слушаю автора, ответы на вопросы читателей.

Я тоже купил книгу, подошел за автографом. А.Д. Тверской написал под мою диктовку «Виктору Никоновичу Виноградову, с уважением от автора, 1961».

Но... какое-то сомнение у него возникло. Он придирчиво посмотрел на меня и неловко спросил: «А вы откуда?» И я ответил: «Из Витебска».

И тут сомнения развеялись. Это он звонил мне. Он наш земляк, родился и вырос в Витебске. Окончил 10-ю среднюю школу.

Он с интересом стал расспрашивать меня о городских культурных новостях, как удалось тогда организовать отдел изобразительного искусства в областном краеведческом музее, какие работы художника Ю. Пэна в нем есть (он, кажется, учился у него), как здоровье его бывших учителей: А.Г. Блау, З.Д. Климовой и многое другое.

После беседы А. Тверской дополнил дарственную надпись мне словами «дорогому земляку и другу». А вечером мы с ним встречались у памятника М. Горькому у Белорусского вокзала перед тем как мне ехать домой.

Потом он приезжал в Витебск после того, как закончил работу над новой книгой. В ней описываются события во время оккупации Витебска в Великой Отечественной войне. Книга названа «Турецкий марш».

P.S. 1. Обе книги – в домашнем архиве В.Н.

2. *Информация о встрече в Москве «Гутарка з пісьменнікам-земляком». «Віцебскі рабочы», 11 июня 1961 г.*

3. *Статья Д. Симановича в газете «Віцебскі рабочы» передана в Литературный музей университета.*

4. *В одной из своих книг Давид Григорьевич Симанович написал мне вот такое напутствие: «Дорогому Виктору Никоновичу Виноградову – светло и солнечно, с пожеланиями добра и радости на долгих дорогах жизни – ваш Д. Симанович. 15.03.80».*

10. ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ... ТРУБА

Труба. Какая труба? Труба ТЭЦ, с которой в Витебске начинался прием телесигнала, передаваемого в эфир Минской телестанцией.

В 1957–58 гг. я работал преподавателем института на кафедре, которая называлась «основы производства». Заведующий кафедрой – бывший директор (т.е. ректор) института Павел Емельянович Медведев. Он читал студентам-физикам дисциплину «радиотехника» и др. И он хорошо знал принцип телевизионного вещания. Ему помогал и зав. лабораториями Л.И. Лепетулин.

Зная это, к нам стал заходить гл. инженер работающего в Витебске в районе Марковщины завода радиодеталей Ткачев. Обсуждался вопрос: как принимать в эфире сигналы, которые передавались из Минска. Решено было разработать специальную антенну и установить ее на трубе ТЭЦ. И что-то получилось.

Правда, телевидение так стремительно развивалось, что с 1960 г. в Витебске стала действовать своя студия.

Мне, уже работавшему на художественно-графическом факультете, довелось вести на телевидении одну из рубрик. Она нами вместе с Д.Г. Симановичем (он работал в студии) была названа «За красоту родного города». И это было тогда очень актуально, когда город активно развивался, залечивая военные раны.

Но телевидение оставалось пока сложным. Мне в шутку говорила моя сокурсница: «Что это там за телевидение? Ты, Виктор, не вещаешься в экран моего телевизора».

Но прошло время, усовершенствовалась техника телепередач и возник вопрос об использовании телевидения в учебном процессе.

Однажды в институте был председатель Гостелерадио республики. Известный писатель Геннадий Буравкин. И я обратился к нему с просьбой об оказании институту помощи в приобретении телетехники. Он доброжелательно отозвался, сказав, что они будут полностью менять оборудование на студии телевидения в Витебске и все использующиеся сейчас там телеоснащение он передаст институту.

И слово свое он сдержал. Так в институте появилась одна из первых (и кажется, единственная тогда) вузовская телевизионная станция.

Границы наших телепередач расширились после получения Витебской студией передвижной телевизионной станции (ПТС). Мы вышли на республиканский экран. Так были сделаны передачи о кафедре в школе с зав. кафедрой В.В. Тетериной, об уже известном в ту пору учителе математики М.Н. Волкове, о приеме в институт и др. Здесь неоценимую помощь нам оказывала режиссер Витебской студии телевидения Серафима Островлянская, выпускница нашего института.

Исключительно большую работу по эксплуатации студии осуществил Ф.А. Гриневский – ранее проректор по АХЧ. Им создано значительное количество фильмов, посвященных деятельности института (потом – университета), биографиям преподавателей, в том числе и художественно-графического факультета. Так что успехов тебе, сегодняшнее телевидение университета!

II. 50 И 70... ДАТЫ? ЦИФРЫ?

Некоторые даты, цифры, события заставляют меня вернуться к рассказам о себе, прервав другие повествования. Итак...

1) В 2019 г. исполнилось 50 лет с момента выхода в Москве (после утверждения на коллегии Минпроса СССР) первого в советской школе учебника по такой дисциплине как «Черчение». Учебник издается и теперь. Сейчас он выходит в новой серии: «РУ» – «Российский учебник». Отмечается, что учебник одобрен экспертами Российской Академии наук и Росакадемии образования. Он соответствует требо-

ванием государственного образовательного стандарта и включен в Федеральный перечень школьных учебников.

Начиная с 1969 г. учебник издавался на 19 языках. Общий тираж его за этот период только на русском языке составил свыше 50 миллионов экземпляров.

Итак: 50 лет, 50 млн. Ну а «70»? Что это за цифра?

2) 70 лет (!) тому назад 5 июля 1949 г. перешагнул порог художественно-графического училища (а оно открывалось тоже в 1949 г., т.е. 70 лет назад), будущий автор и титульный редактор указанного выше учебника «Ваш покорный слуга» – В. Виноградов.

Я приехал в город вместе с учителем после окончания сельской НСШ (неполной средней школы) в д. Кузьмино (тогда Меховского района) поступать в педагогическое училище. Специальность – учитель начальных классов и пионервожатый. Но в училище уже этой специальности не было, прием документов шел на специальность «Изобразительно искусство и черчение». Так я оказался с момента подачи заявления связанным с педагогической профессией и специальностью «Техническая графика» и «Начертательная геометрия» на всю свою жизнь.

3) Сейчас в Беларуси школьники занимаются по-другому моему учебнику, включая его учебно-методическое обеспечение и 50-летний опыт работы с учебником школ РФ и других стран СНГ. Учебник утверждался и издавался в 2008 г. и переиздавался в 2014 (в Беларуси школьный учебник издается на 6 лет).

4) И еще две информации, связанные с учебниками.

Один из моих соавторов по учебнику был удостоен по совокупности опубликованных работ звания Лауреата Государственной премии. В.Н. Виноградова по договоренности Министерств просвещения СССР и БССР было решено представить на премию в республике, что было сделано в 1992 году. И вот результат. Цитирую статью в газете «Республика», 6.01.1993 г. (на белорусском языке). Статья называется «Конкурс закончан i...».

В ней говорится: «На саісканне прэміі былі выучаны 2 камплекты падручнікаў. Гэта “Беларуская мова” і “Чарчэнне” – для сярэдняй

школы і “Начартальная геаметрыя” для студэнтаў. Калі да “Беларускай мовы” у спецыялістаў і рэцэнзентаў быў шэраг прэтэнзій і крытычных заўваг, то падручнікі Вінаградава В.Н. заслужылі самую высокую адзнаку. Аднак для прысуджэння прэміі падручнікам “Чарчэнне” і “Начартальная геаметрыя” не хапіла толькі аднаго голасу (Кворум?). Старшыня камітэта Л.М. Сушчэня. Адказы сакратар В.А. Галоўчыц».

Р.С. Міністр асветы сказаў: «Гэта не хваціла маёго голасу – я вёў коллегію і не быў на галасаванні. А прысутвующий на пасяджанні камітэта мой зам не меў права голасу.»

В 1994 г. камітэт паўторна рэцэнзавал і разглядаваў прадставленыя падручнікі. Імяна за падручнікі прысуджалася прэмія. Но прысутвующий новы міністр прапанаваў паставіць на галасаванне не падручнікі, а фотаальбом «Нервная система» мінскіх 4-х аўтараў. Мінчане прагаласавалі «за» альбом. Вот і «самая высокая адзнака падручнікаў». Віцебчаніна... не пушцілі на прэмію, хоць па яго падручніку займаліся ўсе школьнікі большай краіны (як займаюцца і сёчас у РФ).

А вот інфармацыя аб падручніку “начертательная геометрия” (рис. 11), абнаружэнная невзначай у інтэрнэце.

«10.06.2015 Віктар Вінаградов: чытаць кнігу аўтара, купіць кнігу /Лабырынт.

Владзімір. Кніга Віктара Ніконовіча Вінаградава «Начертательная геометрия» (Мінск, 1977, 368 с.) – несомненна лепшы падручнік па даннаму прадмету. Дастаточна поўны па зместу (змяшчаюцца ўсе раздзелы начертательной геометрыі), прыгожа напісана (і з навуковай, і з педагогічнай, і з літаратурнай крок згляду), пераўзыходна ілюстравана. Чарцяжы (ілюстрацыі) звыш выкананы настолькі ўдачна, што часта нават не патрабуюць абаротнага зваротнага тэксту. Гэніальны падручнік!

Гаворю гэта са знаннем спраў, псколькі больш за 20 гадоў вучыў начертательной геометрыі ў розных вузах Пецярбурга».

Інфармацыя аб падручніку «Черчение» змяшчаецца ў артыкуле Ю.П. Бежэнарь «Навука-педагогічная школа метадыкі вучыцца асноў тэхнічнай графікі», апублікавана ў журнале «Іскусства і культура». – 2017.– № 4(28).

12. «РУССКОЕ ПОЛЕ» И «ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК» В ИНСТИТУТЕ

В 1970-е, в 1980-е годы в Министерстве культуры существовала хорошая практика – направлять в трудовые коллективы, в учебные заведения для встреч и выступлений писателей, композиторов, артистов. С такой целью в институте побывал поэт А. Вознесенский (его сопровождал Давид Симонович), композитор Р. Щедрин, легендарный диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан и многие другие.

Приезжавшие в Витебск такие творческие лица, находили хороший прием в нашем институте. Актный зал для этой цели был вместительнее (640 мест) по сравнению с клубными сценами других учебных заведений. Но не только в этом. У нас всегда приезжих сопровождала теплая студенческая атмосфера.

Вот пример выступления известного композитора Яна Френкеля. Он автор таких (и сейчас) популярных песен, как «Русское поле», «Журавли», «Вальс расставания», «Текстильный городок» и др. Свои песни он сам и исполнял. Песню «Русское поле» пел весь актный зал. Вместе с ним пели и пришедшие на концерт преподаватели.

В институте была организована встреча и с нашим земляком, композитором Марком Фрадкиным. Я помнил его выступление в один из ранних приездов в город: еще до конкурса польской песни в 1988 г. или «Славянских базаров», на которых он неизменно бывал. Тогда он выступал, как было «афишировано», перед земляками. Концерт с продажей билетов проходил в городском доме культуры.

В одной из своих статей (1961 г.) я писал, назвав стоимость билетов, что «ці не лепш было б арганізаваць дзве-тры сустрэчы с землякамі бясплатна».

И вот теперь, беседуя с композитором перед выступлением, я напомнил ему о том концерте, где он сам исполнял песни со словами «свои песни, как хочу, так и пою», а также о статье в «Віцебскім рабочым»: Марк Григорьевич сказал, что ему памятен тот его приезд. И на полном серьезе сказал: «Я оправдаюсь – пришлю свою книжку».

А в актовом зале концерт был не только самого композитора, но и всех присутствующих. Ведь песни земляка знают и любят как молодежь, так и старшее поколение витебчан.

Кстати, в рассказе о литературном музее я называл имя смоленского поэта Н. Рыленкова. Так вот, на его стихи «Ходит по полю девочка», написал музыку М. Фрадкин.

В подобных встречах в институте студенты участвовали и с киноартистами, в том числе – П. Вильяминов («Вечный зов», «Тени исчезают в полдень»), С. Светличная («Брильянтовая рука») и др.

Я расскажу о встрече с Народным артистом СССР Михаилом Ульяновым.

Так получилось, что в 1984 г. мне пришлось в качестве руководителя учительской группы быть на курорте «Карловы Вары» (теперь Чехия). Там мы и познакомились с артистом М. Ульяновым у минерального источника в очереди за карловарской водой. Он тогда был в К. Варах на лечении.

И теперь он у нас. Актёрский зал полон. Его хорошо знали по фильмам «Председатель», «Ворошиловский стрелок» и др.

В зале абсолютная тишина – все внимание известному актеру. Но темнеет на улице, на сцене уже плохо видна его фигура. Как быть? Надо включить свет. И я прошу сделать это секретаря комитета комсомола К., что он и сделал. Но М. Ульянову это не понравилось (свет прервал мысли), он начал выражать свое недовольство, что-то говорил. Но потом поймал взглядом меня, очевидно, вспомнил К. Вары, вроде успокоился и продолжил рассказ.

Из института он уходил довольным.

О музыкальных коллективах. Не могу их всех назвать. Актёрский зал института был своеобразной концертной площадкой для большинства ВИА того времени. Раза 2–3 выступали «Верасы» – и мы тогда запомнили фамилии артистов ансамбля. Я расскажу так же о выступлении белорусского певца Ярослава Евдокимова.

Евдокимов давал большой концерт, состоящий из 2-х отделений. И вот в антракте он сказал, что больше выступать не будет – у нас в зале плохая аппаратура. Нет, и все. Я только тогда в разговоре с ним узнал, что он по отчеству Александрович. За чаем мы его начали уговаривать, убеждали, просили... умоляли. Согласился. А мы ему обещали, что к следующему его приезду к нас будет хорошая аппаратура. Но где ее было взять?

Помог случай. Через некоторое время на встречу со студентами приехал Министр культуры Республики Ю.М. Михневич. И тут мы ему выставили на сцену то, что у нас было – нашу аппаратуру. Но он не пел, на плохое качество наших микрофонов и усилителей не реагировал.

В заключении мы начали просить выделить нам новое оснащение для сцены. Средства? У нас были, но прибывающую импортную аппаратуру для реализации распределял только министр лично.

Через некоторое время у нас появилась качественная аппаратура. Можно было приглашать самых требовательных музыкальных исполнителей.

И хорошо, что эта традиция встреч в университете и теперь сохраняется.

13. НЕМНОГО О ВСТРЕЧАХ (О НИХ ПРОСИЛИ МЕНЯ РАССКАЗАТЬ Е., Ю., М. И ДР.)

Встреч с интересными людьми у каждого из нас много. Порой они, как говорят наши худграфовцы, “проецируют” свое изображение и на наше будущее и на нашу судьбу. А судьба... Как в одной русской песне поется:

*«Судьба играет с человеком,
Она изменчива всегда.
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без следа».*

Но в предлагаемых воспоминаниях я называю не судьбоносные встречи, которые были у меня в жизни. Я приведу примеры ранних знакомств, рассказы о которых могут в той или иной степени быть интересными для коллег по работе.

И так, поехали? Поехали!

1. По Москве... в машине супруги Маленкова.

В рассказе о телевидении я говорил, что на кафедру, на которой я работал в 1957–59 гг., заходил Ткачев – главный инженер завода радиодеталей по проблеме конструкции новой телеантенны.

Узнав однажды, что я собираюсь в Москву, он поинтересовался, где я буду останавливаться. Я ответил, что в гостинице. Тогда он предложил остановиться у брата его жены (она работала у нас), и они дали мне московский адрес.

По приезду в Москву меня тепло приняли хозяева. Они проживали на одной из Энергетических улиц рядом с Московским Энергетическим институтом (МЭИ). Институт располагался на Красноказарменной улице – микрорайон Лефортово. Кстати, это недалеко от улицы Госпитальный вал, где тогда находился Московский худграф. Хозяин квартиры, т.е. брат Ткачевой работал водителем ректора МЭИ В.А. Голубцов

«Ну и что?», – скажите вы. Для меня же было самое интересное то, что Голубцова – жена Г.М. Маленкова, бывшего члена Политбюро ЦК партии, Предсовмина СССР и т.д. (на пенсии он с 1961 г.). И водитель этой машины мог перемещаться по Москве беспрепятственно, посещая любые места. В этом я убедился несколько позже, когда мой покровитель предложил мне поехать посмотреть Москву.

Ну и что? То, что в ЗИМе супруги Маленкова по Москве едет просто преподаватель Витебского пединститута, сын рабочего железнодорожника из будки 515 км. Здорово? Да!

Но не это было главным для меня, а встреча, которую организовывал мне москвич. К вечеру после экскурсии по Москве он привез меня на кафедру начертательной геометрии и черчения МЭИ. Меня встретил (сам!) заведующий Е.А. Глазунов, известный ученый-график, автор капитальной работы в теоритическом плане научного труда «Аксометрия». Эта работа была написана им вместе с другим ученым — Н.Ф. Четверухиным.

И мы, отталкиваясь от работы по аксонометрии, обсуждали и проблемы школьной и вузовской практики преподавания графических дисциплин, их не только образовательные, но и воспитательной функции и др.

Е.А. Глазунов. Это ученый, которого мы ставили в ряд с другими русскими классиками, внесшими значительный вклад в теорию и практику графических изображений в России.

В заключение он о подарил мне изданную в Москве работу Ю. Вахтина «Русская школа инженерной графики». ВЗЭИ, 1952 г. (работа сейчас находится в архиве деканата ВГУ).

2. Гордон В.О. — великий?

О профессоре, авторе с довоенных лет учебника начертательной геометрии, издающегося и теперь, я упоминал уже в своих воспоминаниях. Но заочное с ним знакомство состоялось ранее.

Работая заведующим кафедрой, я одновременно несколько лет вел уроки черчения в СШ № 2 г. Витебска (рис. 12). Там я проводил с учащимися и внеклассные занятия, опыт которых изложен в нашем пособии (М., 1961).

В качестве иллюстрации в нем было приведено фото стенда «Великие русские ученые-графики».

Поскольку с Владимиром Осиповичем у меня была переписка как с преподавателем вуза, я отправил ему пособие, вышедшее из печати. Он внимательно прочел, сделал замечания. Но ему не понравился заголовок стенда, где был и его портрет — «Великие». Об этом он написал мне, прислав одновременно для стенда новое фото.

Во второе издание (1965 г.) мы внесли необходимые изменения.

И вот 1965 г. Мы встретились в комиссии по определению содержания образования, затем на Совете по защите диссертации, где он был членом Совета, а я — диссертантом.

3. Н.Ф. Четверухин — математик или график?

С Николаем Федоровичем я познакомился в 1965 г. по работе в комиссии по определению содержания образования. Я был назначен ученым секретарем этой комиссии. Председателем комиссии, был Н.Ф. Четверухин.

С 1 сентября 1965 г. я находился в Москве в так называемой годичной аспирантуре. На Октябрьские праздники приехал домой и 6 ноября пошел в институт на торжественное собрание. И когда я

находился в приемной ректора, в ней зазвонил телефон. Звонила моя Елена Ивановна. Говорит: «Тебе телеграмма из Москвы. Чего хотят? Тебя Четвер ухин просит срочно приехать по работе комиссии».

Приезжаю через пару дней в Москву. В чем суть вызова? Оказывается, в мое отсутствие состоялось заседание комиссии (внеочередное), на котором в качестве гостя присутствовал известный математик А.Н. Колмогоров (впоследствии автор школьного учебника 9 класса по математике). Колмогоров внес предложение – уменьшить на один час в учебном плане время на черчение и передать этот час математике.

Мотив? Примерно такой. «Я учился в церковно-приходской школе, там не было никакого черчения, – сказал А.Н. Колмогоров, – но это не помешало мне стать великим математиком». Мнение у членов комиссии разделились, и меня вызвали, как было сказано, «спасать положение».

Мне необходимо было подготовить на этот счет предложение комиссии, получить письменное согласие всех членов и представить его в Центральную комиссию.

И вот я езжу по Москве, собираю подписи. Н.И. Ткаченко живет в деревне Гольяново (так назывался район города), Н.Н. Демченко – на Октябрьских полях и т.д.

Предложения были подготовлены. В учебном плане школы на черчение отводилось 3 часа.

Через некоторое время состоялось заседание комиссии, на котором была создана группа по разработке программы. Председателем этой комиссии (ее тоже называли «комиссия») был избран ваш покорный слуга В.Н. (протокол, точнее копия протокола этого заседания, имеется сейчас в архиве ХГФ ВГУ).

4. «Московская география» учебника «Черчение».

После утверждения в минпросе СССР программы школьного предмета «Черчение» была создана (не с первой попытки) группа по подготовке учебника. Титульным редактором и одним из авторов теперь был определен В.Н. Виноградов. Состав группы рекомендован Министерством. Редактору (т.е. мне) пришлось с этим только согласиться.

Работа над учебником началась в 1966 г. и продолжалась вплоть до его утверждения в 1969 г.

Состав авторов разноплановый. Это и представитель академической науки (А.Д. Ботвинников), учитель системы профтехобразования (И.С. Вишнепольский), учитель со значительным школьным стажем и преподаванием в вузе (С.И. Дембинский) и работающий над кандидатской диссертацией, автор известных в Беларуси пособий для учителя и студентов, заведующий кафедрой начертательной геометрии и черчения – В.Н. Виноградов.

Такая разноплановость соавторов, кроме положительных моментов, имела и свои недостатки. Это отсутствие единой концепции графической подготовки учащихся, “индивидуальное” видение роли учебника в этой подготовке, разнообразные подходы к его структуре, содержанию и пр., и пр.

А как работать титульному редактору на расстоянии с каждым автором или с редактором издательства «Просвещение» (З.А. Родионова)?

И еще. Сколько нужно было совершить поездок в Москву для встреч авторского коллектива вместе и с каждым в отдельности. Где останавливаться? Министерство могло дать направление в гостиницу без гарантии места. Но и за этим направлением надо было ездить.

В гостинице на Сушевском валу в микрорайоне Марьино Роща (близ издательства «Просвещение»), в «Советской» гостинице (Ленинградский проспект) уже знали меня из-за частого обращения. А однажды пришлось ночевать в гостинице «Заря» в вестибюле.

Проситься на ночлег к соавторам я не решался – у всех однокомнатные квартиры.

Зато я хорошо знал адреса проживания своих соавторов: Станислав Иосифович – на ул. Стромынка (Сокольники), потом на ул. Черняховского (Ленинградский проспект), затем – ул. П. Алексеева (Ярославское шоссе). Игорь Самуилович – Донской проезд, потом на ул. Петрозаводская. Александр Давыдович – у метро «Профсоюзная».

В знак внимания, титульному редактору Минпросс СССР выделил гостевой пригласительный билет на выступление Генерального Секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева на проходившем в 1968 г. Всесоюзном съезде учителей.

В перерыве между заседаниями встречался в фойе с известным писателем Сергеем Михалковым. Обсуждали тему использования сатирических литературных произведений в педагогической практике.

Фото «В.Н. вместе с делегацией Витебской области на съезде» находится в архиве (ГАВО).

Вот такая была «московская география» учебника черчение.

Вспоминаю и следующий эпизод.

В 1968 г. мне предложили путевку в санаторий «Светлогорск» Калининградской области. Для работы над учебником туда приехал и И.С. Вишнепольский с семьей – жена Р.Я. и 15-летний сын Владимир (теперь Владимир Игоревич – зав. кафедрой в госакадемии им. М.В. Ломоносова, Москва).

Все? Пока все. До свидания!

В.Н. Виноградов

22 июля 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ К «НОВЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ»	3
1. В О Й Н А	4
2. Ш К О Л А	5
3. ЗЕМЛЯНКА НА 515 КИЛОМЕТРЕ И СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ У 10-Й ШКОЛЫ В ВИТЕБСКЕ – «ЖИЛЫЕ ОБЪЕКТЫ»	6
4. О ПЕРВОЙ ЭКСКУРСИИ БУДУЩИХ «МАСТАКОУ» ВИТЕБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ В МОСКВУ	8
5. ДИПЛОМ БЕЗ ПОДПИСИ – НЕ ДИПЛОМ?	9
6. А ХУДГРАФ НАЧИНАЛСЯ ТАК...	10
7. ЗА ЧАЕМ У ПЕТРА МИРОНОВИЧА МАШЕРОВА...	16
8. ХУДГРАФУ... СТРОЯТ ШКОЛУ	17
9. А ТВЕРСКОЙ... ИЗ ВИТЕБСКА?	20
10. ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ... ТРУБА	21
11. 50 И 70... ДАТЫ? ЦИФРЫ?	22
12. «РУССКОЕ ПОЛЕ» И «ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕ- ЛОК» В ИНСТИТУТЕ	25
13. НЕМНОГО О ВСТРЕЧАХ (О НИХ ПРОСИЛИ МЕНЯ РАССКАЗАТЬ Е., Ю., М. И ДР.)	27